
pocket**book**

rocket**book**

ТОМАС ПИНЧОН

Край навьлет

МОСКВА
2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
ПЗ2

Thomas Pynchon
BLEEDING EDGE

Copyright © 2013 by Thomas Pynchon

Перевод с английского *М. Немцова*

Оформление серии *А. Саукова*

Пинчон, Томас.

ПЗ2 Край навывлет / Томас Пинчон ; [пер. с англ. М. В. Немцова]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 608 с.

ISBN 978-5-699-95540-4

Изданный в 2013 году «Край навывлет» сразу стал бестселлером: множество комплиментарных рецензий в прессе, восторженные отзывы поклонников. Пинчон верен себе — он виртуозно жонглирует словами и образами, выстраивая сюжет, который склонные к самообману читатели уже классифицировали как «облегченный».

В основе романа — трагичнейшее событие в истории США и всего мира: теракт 11 сентября 2001 года.

По мнению критики, которая прочит Пинчону Нобелевскую премию по литературе, все сошлось: «Самый большой прозаик Америки написал величайший роман о наиболее значимом событии XXI века в его стране».

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Немцов М., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-95540-4

Нью-Йорк в детективном романе будет не сыщиком и не убийцей. Он будет загадочным подозреваемым, которому подлинные факты известны, но он ничего не расскажет.

Доналд Э. Уэстлейк

1

Первый день весны 2001-го, и Максин Тарнов, хотя у кое-кого в системе она по-прежнему значится как «Лёффлер», провожает своих мальчишек в школу. Да, может, они уже и не в том возрасте, чтоб их сопровождать, возможно, Максин пока не хочется отпускать, там всего пара кварталов, на работу по пути, ей нравится, и что?

Сегодня утром по всем улицам, похоже, все до единой груши Каллери в Верхнем Уэст-Сайде за ночь вскрылись белыми кластерами. На глазах у Максин солнце пробирается между линиями крыш и водяными цистернами до конца квартала — и в отдельное дерево, которое все вдруг наполняется светом.

— Мам? — Зигги спешит, как обычно. — Ё.

— Парни, смотрите — вон дерево?

Отис медлит и смотрит.

— Обалдеть, мам.

— Не отстой, — соглашается Зиг. Мальчишки не останавливаются, Максин разглядывает дерево еще с полминуты, затем догоняет. На углу, рефлексивно, вливается в заслон, чтобы оказаться между ними и тем водителем, для кого спортивно — это вывернуть из-за угла и тебя сбить.

Свет солнца, отраженный от окон квартир, глядящих на восток, начал проявляться размытыми паттернами на фасадах зданий через дорогу. Двухчастные автобусы, новинка на маршрутах, ползут по кварталам через весь город, как исполинские насекомые. Стальные жалюзи закатываются, ранние грузовики паркуются вторым рядом, парни со шлангами моют свои участки тротуаров. В дверных проемах спят бесприютные, падальщики с громадными пластиковыми мешками пустых банок из-под пива и газировки держат путь к рынкам, чтобы там сменять тару на деньги, рабочие бригады ждут нарядчиков перед зданиями. На бровке подсакивают на месте бегуны, дожидаясь светофора. В кофейнях копы восполняют недостаток бубличков в организме. Дети, родители и няньки, пешие и колесные, направляются во все стороны к школам по соседству. Половина детворы, похоже, — на новых самокатах «Бритва», поэтому к списку того, чего надо беречься, добавь наскок катящего алюминия.

Школа Отто Кугельблицца занимает три сопредельных особняка из бурого песчаника между Амстердамом и Колумбом, на поперечной улице, где «Закону и порядку» покамест не удалось ничего по-снимать. Школа названа в честь одного из первых психоаналитиков, которого выдворили из ближнего круга Фрейда за выдвинутую им биогенетическую теорию. Ему представлялось очевидным, что человеческая жизнь проходит через разнообразные стадии умственного расстройств, как это понималось в те времена, — солипсизм младенчества, сексуальные истерии пубертата и начального полового созревания, паранойя зрелости, деменция преклонных годов... все подводит к смерти, которая в итоге называется «здравомыслием».

— Это вот самое время обнаружить! — Фрейд, смахнув на Кугельблицца сигарный пепел и выставив за порог Берггассе, 19, чтоб и духу его там не было. Кугельблиц пожал плечами, эмигрировал в США, обосновался в Верхнем Уэст-Сайде и отрастил себе практику, которая вскоре набрала сеть сильных мира сего, какие в некий миг боли или кризиса прибегали к его помощи. На светских раутах, где он все чаще оказывался, стоило представить их друг другу как его «друзей», и всяк тотчас признавал еще одну залатанную душу.

Что бы там ни творил Кугельблицев анализ с их мозгами, некоторые его пациенты до того мило переживали Депрессию, что немного погодя сумели вбросить начальный капитал для учреждения школы, не обойдя при этом долей и Кугельблицца, плюс для создания такой учебной программы, где каждый класс считался бы каким-нибудь психическим расстройством и управлялся соответственно. Психушка с домашкой, по сути.

Сегодня утром, как водится, Максин застает на широкоформатном крыльце кишенье народу — учащихся, учителей на выпасе, родителей и нянек, а также потомство и помоложе, в колясках. Директор Брюс Зимквеллоу, празднующий равноденствие белым костюмом и панамой, окучивает толпу — всех здесь он знает поименно и по резюме биографий, хлопает по плечам, доброжелательно внимателен, судачит или угрожает по мере необходимости.

— Макси, привет? — Вырва Макэлмо, скользя по крыльцу сквозь толпу, дольше, чем надо, с Западного побережья фифа, видится Максин. Вырва — ляля, но и близко не одержима временем. Известно, что других лишают удостоверений Мамаш Верхнего Уэст-Сайда гораздо быстрее, чем сходит с рук ей. —

У меня, типа, тут другой кошмар с расписанием на сегодня? — провозглашает она еще за несколько колясок, — ничего капитального, ну, пока, во всяком случае, но в то же время...

— Не вопр, — чтоб только немножко ускорить процесс, — приведу Фиону к нам, а ты ее потом заберешь, когда не.

— Спасибо, на сам-деле. Постараюсь не оч поздно.

— Она всегда и у нас переночевать может.

Когда они еще толком не познакомились, Максин, поставив кофейник себе, всегда вытаскивала травяной чай, пока Вырва не осведомилась, вполне учтиво:

— Типа у меня на жопе калифорнийские номера или как?

Сегодня утром в обычном срединедельном прикиде Вырвы Максин отмечает перемену-другую — то, что Барби раньше называла Костюмом для Директорского Ланча, вместо джинсового комбеза, для начала, волосы подобраны, а не обычными светлыми косами, а серьги с пластмассовыми бабочками-монархами сменились на что — «гвóздики» с брильянтиками, цирконами? Днем какая-то встреча, деловая, небось поиск работы, может, очередная экспедиция за финансами?

У Вырвы степень Помоны, но никакой полной занятости. Они с Дастином трасплантаты, из Кремниевого дола в Кремниевый подол, у Дастина с другом из Стэнфорда маленький стартап, которому как-то удалось просквозить через катастрофу дот-комов в прошлом году, хоть и не скажешь, что с иррациональным оптимизмом. Пока что они нормально способны отслюнивать за обучение в Кугельблице, не говоря уже про аренду докольного и вестибюльного этажей в буром особняке за углом от Риверсайда,

увидев который впервые Максин пережила приступ зависти к недвижимости.

— Великолепная резиденция, — делано протаскилась она, — может, я чем-то не тем занимаюсь?

— Ты это с нашим Биллом Гейтсом поговори, — Вырва невозмутимо, — я тут просто тусуюсь, жду, пока мои опционы не созреют? Верно, милый?

Калифорнийское солнышко, воды только с маской и плавать, ну, по большей части. Хотя... Максин не затем столько в том бизнесе, в котором она, чтоб не отрастить себе антенны на умолчания. «Удачи тебе, Вырва», — подумавши. Чем бы оно там ни было, и, отметив развертку ее медленного калифорнийского взгляда при спуске с крыльца, поцеловав своих деток в макушки мимоходом, и утренний поход на работу возобновляется.

Максин заправляет маленьким агентством по расследованию мошенничеств, чуть дальше по улице, под названием «За хвост и за шкирку» — некогда она подумывала добавить «и за решетку», но вскоре сообразила, насколько это будет беспочвенно, если не прямо-таки бредово, — в старом банковском здании, кудаходишь через вестибюль, где потолок так высок, что, покуда курение не объявили вне закона, его иногда и не разглядишь. Открывшись как храм финансов незадолго до Краха 1929 года, в слепом делирии, не слишком отличном от недавнего пузыря дот-комов, оно перестраивалось и переперестраивалось, пока, много лет спустя, не стало палимпсестом гипсокартона, дающим убежище заблудшим школярам, строителям воздушных замков из клубов гашиша, агентам по работе с талантами, хиропрактикам, нелегальным сдельным мануфактурам, мини-складам кто знает для каких разновидностей контрабанды, а нынче, на этаже Максин, —

службе знакомств «Ента-Экспрессо», турагентству «Туда-Сюда», ароматным покоем иглоукалывателя и травоцелителя д-ра Ина, а дальше по коридору в самом конце — «Место сдается», ранее «Пакеты без границ», которых посещали редко, даже когда место было занято. Теперешние арендаторы помнят времена, когда двери эти, ныне на цепях и засовах, по бокам охранялись гориллами с «узи» и в камуфляже, которые расписывались за таинственные отправки и доставки. Возможность того, что в любую минуту может начаться пальба из автоматического оружия, придавала каждому дню побудительной остроты, но пока «Место» — просто вот оно, ждет.

Только выйдя из лифта, Максин слышит, дальше по коридору и за дверью, Дейтону Лоррейн, переключенную в режим высокой драмы: она снова оскорбляет конторский телефон. Максин на цыпочках заходит примерно одновременно с воплем Дейтоны:

— Я эти йопаные бумашки подпишу и пошла, хочешь быть папулей, сам всей этой сранью занимайся, — и шварк трубку на рычаг.

— Утро, — чирикает Максин нисходящей терцией, может, лишь чуть-чуть заточив вторую ноту.

— Скорее последний вызов его жопы на посадку.

Бывают дни, когда кажется, будто у всех подонков в городе «За хвост и за шкирку» — в засаленных «Ролодексах». На автоответчике скопилось сколько-то телефонных сообщений — сопуны, телемаркетеры, даже несколько звонков в связи с ныне активными ярлыками. После некоторой сортировки воспроизведения Максин перезванивает встревоженному правдолюбу с фабрики быстрого питания в Джёрзи, который ведет тайные переговоры с бывшими сотрудниками «Кремовых Хрустиков» на

предмет незаконного приобретения сверхсекретных параметров температуры и влажности для «контрольного ящика» поставщика пончиков, вместе с равно засекреченными фотографиями пончиковой шприц-машины, которые, однако, теперь, похоже, представляют собой «полароиды» автомобильных запчастей, сделанные много лет назад в Куинзе и отфотошопленные, притом — как попало.

— Я уже начинаю думать, в этой сделке что-то не то, — голос ее осведомителя немного дрожит, — может, даже незаконное.

— Возможно, Тревор, из-за того, что по Титулу 18 это преступное деяние?

— Это подстава ФБР с внедрением! — вопит Тревор.

— С какой стати ФБР...

— Тю-у? «Кремовые Хрустики»? От лица их собратьев в правоохране всех уровней?

— Ладно. Я поговорю в ОП¹ округа Берген, может, они там что-то слышали...

— Постойте, постойте, кто-то идет, вот — меня засекли, ох! может, я лучше... — Линия умирает. Так всегда.

С неохотой она ловит себя на том, что не сводит глаз с последнего из, она сбилась со счета, скольких инвентарных мошенничеств при участии розничного торговца Шела Й. (он же Шалый) Локоттса, известного по всем Трем Штатам своей ТВ-рекламой

¹ Окружная прокуратура. — Здесь и далее прим. переводчика. Переводчик благодарит Олега Мороза, Владимира Перцова, Анну Синяткину и Константина Томашевича за необходимые технические консультации и порталы РунchoпWиkи и Луркоморье за накопленные массивы данных, а также Юлию Гаврилову за некоторые подсказки из области специального знания.

Дяди Шалого: он с высокой скоростью кружился на некоей вертушке, как пацаненок, что рвется к улету («Дядя Шалый! Закручивает цены!»), таща за собой чуланные органайзеры, кивичистки, штопоры с лазерным наведением, карманные дальномеры, сканирующие очереди к кассам и рассчитывающие, какая окажется короче, сигнализации, подключаемые к пультам ДУ, чтоб те никогда не терялись, если только не потеряешь и пульт к сигнализации. Ничего этого на магазинных полках еще не было, но как оно работает, можно всегда посмотреть в ночном эфире.

Уже не раз побывав у самых врат Дэнбёри, Шалый остается в хватке фатума за субзаконные предпочтения, тем самым ставя Максина на такие нравственные тропинки, от которых и ослик из Большого Каньона призадумается. Засада тут — с шармом Шалого, по крайней мере — с его наивностью человека, только что с вертушки, и Максина не вполне способна поверить, что наивность эта липовая. Обычному мошеннику распада семьи, общественного позора, легкого срока на нарах бывает довольно, чтобы взяться за поиски законного, если не честного найма. Но даже среди низкоставочных шнырантов, с которыми она обречена иметь дело, кривая обучаемости Шалого перманентно бездыханна.

Со вчерашнего дня управляющий отделением Дяди Шалого где-то на Лонг-Айленде, на какой-то остановке линии в Ронконкому, оставляет все более растерянные сообщения. Ситуация на складе, нестыковки в инвентарной ведомости, что-то немножко другое, ебанный Шалый, прошу вас. Когда же Максина будет дозволено оттянуться, стать Энжелой Лэнзбёри, возиться лишь с шикарными ярлыками, а не сидеть тут в ссылке среди бестолковых и уработавшихся...

При последнем недавнем своем полевом визите к Дяде Шалому Максин свернула за угол башни из картонных коробок и натурально врезалась не в кого-нибудь, а в самого Шалого — в футболке «Чокнутого Эдди» желтого цвета вырвиглаз он крался за некой аудиторской бригадой, средний возраст двенадцать лет: фирма их печально знаменита наймом злоупотребителей растворителя, видеоигровых торчков, субчиков с диагностированной ущербностью критического мышления и немедленным командированием их на опись инвентарного имущества должников.

— Шал, чего.

— Уй, я опять это сделал, как всегда грит Бритни.

— Ты глянь, — топоча взад-вперед по проходам, хватаясь за опечатанные коробки и поднимая их. Какое-то количество их, к чему-нибудь, не Максин, удивлению, хоть и опечатаны, но внутри у них ничего. Оп-па. — Либо я у нас Чудо-Женщина, либо мы переживаем небольшую инвентарную инфляцию?... Не стоит громоздить эти чучела коробок слишком высоко, Шал, один взгляд на нижний слой, а он *не* проседает под такой тяжестью сверху? обычно это неплохая наводка, а, а эта детская аудиторская бригада, ты б им хотя бы дал выйти из здания *перед* тем, как подгонять к рампе грузовик и тот же комплект картонок везти на, блядь, следующий *склад отделения*, понимаешь, о чем я...

— Но, — глаза круглы, как леденцы на ярмарке, — у Чокнутого Эдди же получалось.

— Чокнутый Эдди сел, Шал. Тебе светит еще одно обвинение вдобавок к твоей коллекции.

— Ай, да какие проблемы, тут же Нью-Йорк, жюри обвинит и салями.

— Короче... прям сейчас-то нам что делать? Мне звонить спецназ вызывать?

Шалый улыбнулся и пожал плечами. Они стояли в тенях, пахших картоном и пластиком, и Максин, насвистывая сквозь зубы «Помоги мне, Ронда», боролась с позывом переехать его вильчатый погрузчиком.

Теперь она злобно смотрит на папку Шалого столько, сколько можно выдержать и не открыть ее. Духовное упражнение. Жужжит интерком.

— Тут какой-то Редж, что-то там у него не назначено?

Спасена. Она откладывает папку, которой, словно хорошему коану, все равно не удастся иметь смысл.

— Так, Редж. Втаскивай же сюда жопу. Давненько.

2

Фактически пару лет. Реджа Деспарда, судя по виду, этим антрактом изрядно помолотило. Он документалист, который в девяностых начинал видеопиратом, ходил на дневные сеансы с заемным камкордером записывать с экрана премьерные показы, с которых потом тиражировал кассеты и продавал на улице по доллару, два иногда, если считал, что дадут, зачастую навариваясь, не успевали у кино закончиться премьерные выходные. Профессиональное качество имело склонность страдать по краям, шумные кинозрители приносили свои обеды в громких бумажных кульках или вставляли посреди фильма, чтобы загородить обзор, часто — на целые минуты экранного времени. Хватка камкордера у Реджа не всегда бывала тверда, экран также бродил в кадре, иногда медленно и сонно, а временами —

с ошеломительной резкостью. Когда Редж обнаружил на камкордере функцию трансфокации, начало происходить множество наездов и отъездов, можно сказать, ради самого зума, детали человеческой анатомии, статисты в массовых сценах, клевые с виду машины среди фонового уличного движения, тому подобное. Одним роковым днем на Вашингтон-сквер Реджу случилось продать свою кассету профессору НЙУ¹, преподававшему киномастерство, и тот на-завтра подбежал к Реджу на улице и спросил, запыхавшись, сознает ли он, насколько опережает в своей работе передний край постпостмодернизма «своим необрехтианским подрывом диегезиса».

Поскольку смахивало на рекламу христианской программы похудения, внимание Реджа куда-то отплыло, но рьяный академик упорствовал, и Редж вскоре уже показывал свои пленки на семинарах докторантуры, от которых всего шаг оставался до съемок его собственных картин. Промышленные ролики, музыкальные клипы для не подписанных на лейблы групп, информационная реклама для ночного эфира, насколько Макси известно. Работа есть работа.

— Похоже, тебе сейчас некогда.

— Сезонно. Песах, пасхальная неделя, финал НАСС², в субботу Св. Патрик, какабычна, не проблема, Редж, — так что у нас тут, матримониальный вопрос? — Кое-кто бы счел манеру бесцеремонной, и она стоила Максин кое-какой доли бизнеса. С другой стороны, это пропалывает простых залетных.

Тоскливый наклон головы:

— Не стойт с 98-го... погоди, 99-го?

¹ Нью-Йоркский университет.

² Национальная ассоциация студенческого спорта.